

по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772) // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. 5. М.; Л., 1947. С. 8—10.

³⁵ Вербов Г. Д. (рец.) Старцев Г. А. Самоеды (ненча). Историко-этнографическое исследование. Л., 1930 // Сов. этнография. 1931. № 1—2. С. 196—198; *его же*. Лесные ненцы // Там же. 1935. № 2. С. 57—70; *его же*. Ненэцкие сказки и былины (из ненэцкого фольклора). Сале-Хард, 1937; Краткий ненэцко-русский и русско-ненэцкий словарь / Соств. Г. Д. Вербов. Сале-Хард, 1937; *его же*. Пережитки родового строя у ненцев // Сов. этнография. 1939. № 2. С. 43—66; *его же*. О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. // Изв. ВГО. Т. 75. Вып. 5. 1943. С. 16—23; Зуев В. Ф. Указ. раб. // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. 5. М.; Л., 1947. Подготовил к печати Г. Д. Вербов; *его же*. Василий Федорович Зуев // Зуев В. Ф. Указ. раб. С. 1—16.

³⁶ Архив МАЭ. Ф. 2.

³⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 40. Л. 31.

³⁸ Там же. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 40. Л. 31.

³⁹ Груздев И. А. (1892—1960) — русский советский критик и литературовед. О нем см.: Иоффе Ф. М.

Груздев Илья Александрович // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1964. Стлб. 430—404.

⁴⁰ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Д. 25. Л. 2, 17.

⁴¹ Книга памяти. Ленинград. 1941—1945. Т. 1. Василеостровский район. А—Л. СПб., 1994. С. 152.

Paying the Debt. Part II. In memory of the collaborators of the Institute of Ethnography, Soldiers of the Great Patriotic War

The article is the second part of the three-part article entitled «Paying the Debt». Life and work of the ethnographers and employees of the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences, who fought and died at the fronts of the Great Patriotic War are described.

A. M. Reshetov

© 1995 г., ЭО, № 3

Л. А. Тульцева

ВДОВЬЯ ДОЛЯ

(заметки этнографа)

Не запить мне свово горюшка
Ни пивом, ни вином,
Не забыть своих сыночков
Мне ни ноченькой, ни днем.

Плясать пойду
С оглядкою,
Как жить, как быть
Солдаткою! ¹

В 1987 г. в Кологривском р-не Костромской обл. от жительниц д. Красный Бор я записала несколько частушек времен Великой Отечественной войны:

1. Замиленочек убит,
Лежит под берестиночкой:
Восемнадцать годов
Осталась сиротиночкой.
2. Ягодиночку убили
За Родину, за Сталина:
Его бронзовая пуля
Умереть заставила.

3. Неужели пуля-дура
Ягодиночку убьет,
Его русые куделички
По полю разнесет.
4. Мы с залеткой расставались
На Унге на реке:
Подарил четыре яблочка —
Растаяли в руке.

5. Ягодиночку убили
На украинских полях,
Заряженная винтовочка
Осталась в руках.

Перечитывая эти коротенькие припевки, невольно поражаешься тому, что у женщин всплыли в памяти в первую очередь частушки, которые пронизывала тема *убитого ягодиночки*. По сути своей деревенские частушки на свой лад рассказывают о тех великих жертвах, которые понес наш народ в войне. Частушки времен Великой Отечественной, наравне с официальными документами и мемориалами, — это исторические свидетельства о прошедшей войне. И какие свидетельства! Они потрясают своей правдой, своей болью, своей корневой обнаженностью чувств, идущих из нутра, из кричащего от боли горла. Можно не знать официальной статистики о том, сколько же все-таки полегло русских на войне, но вот что говорят об этом частушки:

Всех ребят поубивали,	Ой, война, ой, война,
Всех ребят поранили, —	Что же ты наделала?
Реки крови протекли	Столько молодых ребят
Около Германии.	По полю развеяла... ²

Замечательна и та историческая память, которую хранят частушки в своем содержании и образах. Герой частушки — простой солдат, воин, любовно называемый «ягодиночкой», «замилебочком», «болечкой», «дролечкой», «кровиночкой». Теми же ласковыми словами он называется и в частушках времен русско-японской и 1914—1921 гг. войн. Для этих же частушек характерен и образ девушки-«сиротиночки». Сравним цитированное выше: «Восемнадцати годов/Осталась сиротиночкой» с частушками периода русско-японской войны:

Милый мой, пойдем домой,	Много сосен, много елок,
Пойдем, моя кровиночка,	Много вересиночек;
Тебя угонят в Порт-Артур —	Из-за проклятого японца
Останусь сиротиночка ³ .	Много сиротиночек ⁴ .

Образ «многих сиротиночек» — скорее собирательный. Он относится и к девушкам-невестам, к которым не вернулись их женихи, и в равной мере к малым детям, которые стали сиротами, а их матери — вдовами, и к старухам-матерям, потерявшим и мужа, и сыновей. «Сиротским смыслом» семейных фотографий еще не так давно были наполнены избы обезлюдевших русских деревень. Чуткая душа большого поэта Николая Рубцова откликнулась на сиротство русских деревень стихами под названием «Русский огонек»:

Как много желтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне и поразил
Сиротский смысл семейных фотографий!
Огнем, враждой земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...
— Скажи, родимый, будет ли война?
И я сказал:
— Наверное, не будет...⁵

В результате чуть ли не сплошной мобилизации русская деревня фактически осталась без здоровых мужиков. «Вот окончилась война,/Я осталась одна,/Я и лошадь, я и бык,/Я и баба, и мужик»⁶, — так могла сочинить о себе только вдовая русская крестьянка. На нее свалилась вся полнота того тяжелого физического

труда, без которого ни поле вспахать, ни урожай собрать. До сих пор старые крестьянки вспоминают, как им, женщинам, приходилось впрягаться в соху вместо лошадей (лошадей тоже забрали на войну) и пахать, боронить, сеять — все делать на себе. Нам нигде не найти статистических выкладок о количестве тех сверхмерных лошадиных сил, которые пришлось вложить крестьянке, чтобы не только выработать обязательный минимум трудодней, но и дать в пользу государства (без соответствующей материальной компенсации) дополнительную колхозную продукцию. Женщины становились сельскими индустриальными работниками — трактористами, комбайнерами, не говоря уже о работе на более легких машинах типа сеялок, веялок, косилок. Труд этот неизмеримо тяжел и потому, что техника была изношенной и постоянно ломалась. Лишь один пример. Когда я писала эту статью, обратилась к М. А. Чивилевой, ветерану народного хора завода «Прожектор», с просьбой вспомнить частушки военных лет. Но она вдруг спросила меня: «А ты слышала когда-нибудь, как слаженно воют в поле волки?»

Оказалось, что в годы войны М. А. Чивилева была трактористкой. Однажды, когда она и ее напарница работали в поле, их трактор заглох посреди тамбовских черноземов. До жилья далеко, в полях выли голодные волки. Звери, к счастью, не пришли к заглохшему трактору. Зато на посиделках волоокая красавица Маня Чивилева и ее подруга под плясовую дробь исполняли сочиненную ими тогда в поле частушку:

Карбюратор не сосет,
Свечи не работают,
В клапанах плохой зазор,
И цилиндры хлопают.

«Мы, современники, — писал в одном из своих очерков литератор Иван Васильев, — наверно, еще не в состоянии постигнуть все мужество, силу и величие русской бабы, это сделают беспристрастные потомки». Перечислив многие сферы тяжелого сугубо мужского труда, которым пришлось заняться женщинам во время войны, Иван Васильев пишет: «А дальше — опять нет аналогий в истории — как градом повыбитые деревни без мужиков, и — на целые десятилетия тяжкий труд без роздыха, и — до конца жизни мучительное одиночество солдаток. Найдем ли мы подобный пример в истории человечества, пример столь длительного испытания силы духа?»⁷

Солдатские вдовы, да матери, потерявшие на войне детей, да девушки-невесты, певшие в своих частушках о «дролечке убитом» и оставшиеся навек без суженого-ряженого, — таковой была по преимуществу социально-демографическая картина русской послевоенной деревни. Если говорить о социально-нравственной стороне этой картины, то не было в тех женщинах (в массе своей) даже тени душевного очерствения. Сколько же было по деревням тех мирских праведниц, Матрен со светлым оком, совсем как в рассказе А. И. Солженицына «Матренин двор»!

Что же помогло им не только выжить, но и, несмотря на бремя всех испытаний, какие только мог послать Господь Бог на людей, не растратить сердечного тепла и доброты?

Ответить однозначно на этот вопрос нельзя. И меньше всего здесь будут уместны декларативные слова о «несгибаемом характере» русской женщины. С точки зрения обществоведческой — перед нами громадная этносоциальная проблема, в которой социокультурный аспект теснейшим образом соотнесен с социально- и этнопсихологическим. Такая постановка вопроса — одна из множества, и она подсказана самим опытом этнографической работы в русских деревнях. В ходе сбора материала по традиционной русской обрядности крестьян Нечерноземья постоянно приходится обращаться к хранителям этой области знаний — самым старым местным жительницам. Общение с ними привело к

пониманию *нравственной обустроенности* душевного мира уже ушедшего и ныне уходящего поколения деревенских женщин. Имеется в виду такое состояние души, когда внутренний мир человека находится в ладу с окружающим миром, что было связано скорее всего с укладом жизни, вплетенным у крестьян в круговорот природы. Такое состояние души много значит в жизни людей, тем более в години испытаний.

В старом крестьянском мире эта нравственная обустроенность закладывалась буквально с пеленок. С молоком матери впитывались ритуалы, крестьянские праздники, фольклор, игры, пляски. Каждый владел азами этики и этикета крестьянского мира. И каждый был, говоря условно, «фольклорно образованным». Еще и теперь наши старики легко входят «в круг» для пляски, импровизируют частушки. Хоровод, песня, игры были составной частью повседневной жизни крестьян как во время весенних и летних гуляний молодежи («на улицах», «зарянках»), так и на осенне-зимних посиделках, т. е. в течение всего года.

Нравственная обустроенность души складывалась и благодаря чисто крестьянскому отношению к труду, когда труд был и самоценностью, и одухотворен соприкосновением с землей и силами природы. Не случайно, что еще в начале XX в. русским крестьянином «земля» воспринималась не только в качестве трудовой категории («кормилицы»), но и духовной субстанции — о ней говорили, как о матушке, матери-сырой-земле, последнем приюте каждого живущего. Были определенные дни в году, когда люди справляли именины земли, воды, леса.

Условия хозяйственной жизни способствовали тому, что в человеке ценились его трудолюбивые руки и, что особенно важно, совестливое отношение к труду. Вера Антоновна Широкова, светлой души женщина, с которой мне посчастливилось познакомиться в 1991 г. в новгородской д. Опеченский Рядок, вспоминала: «Хоть неграмотными были, но много чести было друг к другу. Раньше урожая было много, но честно и усердно работали».

Великим грехом считалось оставить вдову и сирот без помощи во время сева и уборки урожая. В течение года вдовам с детьми помогали и посредством «тайной» (или «тихой») милостыни: «На вдовый двор хоть щепку брось!» После войны деревенские жители воскресили обычай тайной милостыни как один из старинных способов поминания усопших. Для части старых одиноких женщин, которые из-за немощи не могли обработать свой приусадебный участок, этот вид помощи был чуть ли не единственным источником существования.

Другой вектор крестьянской жизни — фольклор. Вкупе с совестливым отношением к труду он развивал душу, ее этическую и эстетическую восприимчивость. Вся социокультурная жизнь крестьянского мира базировалась на укладе, в котором по степени значимости на следующем после труда месте была песня. И эта песня шла изнутри человека, а не извне, как у современных людей молодого и среднего возраста. Наши старики постоянно вспоминают, как наработавшись за день так, что едва чаяли добраться до дома, вечером все равно отправлялись на гулянье, потому что где-то зазвучала гармонь и полилась песня. Как вспоминала Вера Павловна Епифанова (1913 г.р.) из ярославской д. Слобода Любимского р-на, осенью и зимой, когда случалось, что не было керосина, зажигали лучину, вставляли в светец, и веселье продолжалось⁸. «Вот я и то говорю, — вспоминала Ульяна Кузьминична Воскова из д. Рудниково того же района, — сейчас живут шикарнее, но жизнь скуднее, нет веселья, мало праздников; раньше ладно было в деревнях и гармонь была слышна кругом» (запись 1988 г.)⁹. «Семеновну-то как молодежь начнет дробить, одна поет частушку, другая перехватывает» (Л. Ф. Румянцева, 1920 г.р., урожденная с. Ликурга Буйского р-на Костромской обл.).

В такое тяжелое для народа время, как война и послевоенная разруха с голодом 1947 г., коротенькие частушки-перебирушки с точки зрения социально-психологической выполняли роль стабилизаторов эмоционально-психологического напряжения в обществе. В частушках отразилось эмоционально-ценностное восприятие событий в форме мгновенного на них отклика. Поэтому, может быть,

не будет преувеличением сказать, что таких частушек, какие были процитированы выше о «ягодиночках» и «дролечках» убитых, было спето в разных вариантах столько же, сколько пришло похоронок с войны. Излить душу — облегчить горе: «Одену платице, одену белое, / Ах, война, война, что ты наделала!»¹⁰

И еще один важный социально-психологический фактор: облегчить горе вдовам-крестьянкам помогало и то, что они владели ритуальной грамотой, принадлежа, условно говоря, к *ритуально информированным* поколениям. Почти каждая женщина знала основы ритуального поведения, особенно когда речь шла о погребально-поминальной практике. Не случайно обычным явлением крестьянского общественного быта послевоенной деревни стали *вдовы-чернички*. Черничками в колхозной деревне становились чаще всего овдовевшие женщины среднего возраста и старше. В народе их называли еще «читалками» и «монаш-ками», так как они «дьяконили», т. е. читали жития святых, молитвы, Псалтырь и другие богослужебные книги в кругу верующих. В то время большинство церквей было закрыто. Верующие собирались в домашних молельнях, чтобы отметить память почитаемого святого или наступление религиозного праздника¹¹. Эти женщины и одевались соответствующе: только в платье темных тонов, на голове всегда повязан платок.

Самодетельным образом вдовы-чернички справляли на дому религиозные обряды и помогали своими знаниями и советом справить службу и поминки по убиенным воинам в соответствии с религиозным канонem и местной традицией. До конца дней своей жизни они так и несли тяжелое подвижническое бремя: обрывать и отправлять в последний путь односельчан. С одной из таких подвижниц я познакомилась в 1993 г. в рязанском с. Фатьяновка Спасского р-на. Ровесница века, Пелагея Алексеевна Володина (1902 г.р.), потеряла мужа на войне и после этого стала «читать» по умершим. Этой ее подвижнической службе около 50 лет. Когда в дом приходило горе и надо было хоронить человека, односельчане «отпрашивали» ее у председателя с колхозной работы. Пелагея Алексеевна никому не отказывала. За прошедшие 50 лет ей пришлось побывать в каждом доме. Теперь в своих молитвах она ежедневно поминает всех, кого хоронила.

На долю этих добровольных «читалок», «монашек» (вероятно, есть и другие локальные названия данной группы женщин) выпала по сути дела роль деревенских психотерапевтов — врачевателей душ изболевшихся от горя и тревог за жизнь своих близких односельчан. Это тоже был высокий нравственный подвиг: наши крестьянки смогли не только сами выжить в постигшем большинстве из них горе (мужья и сыновья почти все полегли на войне), но и придти с утешением к другим, организовать совместное домашнее моление, которое проходило тайком, так как такая форма отправления религиозного культа в то время была под запретом.

Совместные поминовения воинов, погибших на войне, моления о здравии живых — эти традиции стали частью крестьянского уклада жизни послевоенной деревни. Благодаря этому задолго до того, как День Победы стал официальным общегосударственным праздником, память героев-воинов повсюду отмечалась в соответствии с местной традицией¹².

Сразу после войны среди вдов возник обычай собираться 9 Мая для моления и поминального обеда по мужьям, братьям, сыновьям, дочерям, всем близким, погибшим на полях сражений. Собирали нехитрую снедь; если не находили в округе священника, сами служили панихиду, поминая всех убиенных на войне. В 1963 г. этнограф Г. С. Маслова, работая в Кадомском р-не Рязанской обл., записала: «Старухи отмечают каждое 9 мая — День Победы. Они собирают мукой и стряпают сообща — пекут блины, пироги, пышки. Панихиду отслужат и поминают всех убиенных на войне» (с. Полтевы Пеньки)¹³. «На таких вдовьих поминках я всех своих ребятков помяну», — рассказывала автору в 1968 г. жительница с. Канино Сапожковского р-на М. Ф. Якухина, у которой муж и четверо сыновей погибли на войне.

По наблюдениям московских этнографов, на Урале, где было много госпиталей и на кладбищах похоронены воины, умершие от ран, сложилась традиция посещать могилы воинов 8 Мая, а в семьях устраивать поминки¹⁴. Эти поминальные традиции сохраняются до сегодняшнего дня: на Курской земле в память о знаменитой танковой битве под Прохоровкой 12—14 июля 1943 г. вдовы и матери погибших солдат выносят на улицы сел столы с поминальным угощением и фотографиями погибших.

Фамилии погибших продолжали носить вдовы. В 1985 г., впервые за прошедшие после войны десятилетия, вспомнили о женщинах, которые остались после войны без кормильца, с детьми на руках и вырастили кто троих, кто четверых, а некоторые — по пять и шесть детей. По случаю 40-летия со дня Победы по всем российским весям прошли вечера, посвященные вдовам, чьи мужья погибли на войне. Эта акция милосердия и запоздалой благодарности по отношению к солдатским вдовам у них самих встретила сердечный отклик.

Для послевоенного времени и последующих десятилетий овдовение — это не только большая демографическая проблема, но в не меньшей степени и социально-нравственная. Чрезвычайно низким был уровень социальной защиты солдатских вдов. Состарившись к 1960-м годам, они влачили жалкое существование на колхозную пенсию в нищенскую сумму 6—12 руб. Скучность и нищета царили в этих домах. Недаром говорится: «Вдовой да сиротой хоть волком вой». В доме М. Ф. Якухиной, у которой муж и четверо сыновей погибли на войне, вся ее мебель состояла из кухонного стола, небольшого круглого столика да лавки. У нее даже иконы не было: старая была заброшена на печь, а новую, видимо, так и не смогла купить. «Я себе куплю как-нибудь икону-то. Куплю», — говорила она мне.

Деревня 1940—1960-х годов еще сохраняла в своем укладе жизни такие традиции, как тесные соседские и родственные связи, православные формы повседневного культа, такие формы досуга, как посиделки, календарные праздники, а также лирический и обрядовый фольклор. Совокупное функционирование этих традиционных структур создавало впечатление некоей стабильности повседневного быта деревенской жизни. Это помогало вдовам «среди тревог великих и разбоя» (Н. Рубцов) растить сирот, работать и всегда сохранять в своем сердце тепло и отзывчивость. И все думалось этим женщинам, что их-то дети заживут более счастливой жизнью, чем та, которая выпала на их долю. Но вот наступает 1978 год. Из Афганистана в солдатских цинковых гробах возвращаются на Родину уже внуки вдов Великой Отечественной. И хотя близится конец XX в., но социальные катастрофы нарастают, а в их трагическом контексте — новые жертвы и опять вдовы.

Примечания

¹ Частушка/Вступительная статья, подготовка текста и примечания В. С. Бахтина. М.; Л., 1966. С. 268. № 1456 (далее — Частушка, 1966); Частушки/Составление, вступительная статья, подготовка текстов и комментарии Ф. М. Селиванова. М., 1990. С. 189. № 1250. (далее — Частушки, 1990).

² Частушки, 1990. С. 183, 184. № 1200, 1205.

³ Частушки, 1990. С. 136. № 830. Ср. вариант этой частушки того же периода:

— Милый мой, пойдем домой.

— Пойдем, моя картиночка.

— Тебя угонят на войну,

— Останусь сиротиночка. (Частушка, 1966. С. 242, № 1259).

⁴ Частушка, 1966. С. 240. № 1248.

⁵ Рубцов Николай. Стихотворения/Вступительная статья, составление и комментарии В. А. Обогурова. Архангельск; Вологда, 1985. С. 36, 37.

⁶ Частушка, 1966. С. 401. № 2485; Частушки, 1990. С. 184. № 1204.

⁷ Васильев Иван. Земляки. Письма из деревни. М., 1987. С. 226, 227.

⁸ Научный архив ИЭА РАН. Полевые тетради Л. А. Тульцевой. Ярославская область. 1988. № 8846.

¹⁰ Частушки, 1990. С. 299. № 2220.

¹¹ Как вспоминал Д. С. Лихачев, «в Новгороде каждый год в день памяти Михаила Клопского в закрытый монастырь, носящий его имя, к храму, в стенах которого лежит под спудом святой, собирались старушки и, как говорят в народе, „дьяконили“: пели, читали житие Михаила, молитвы. И заброшенный храм не умирал» («Нас обкрадывают...» Академик Д. С. Лихачев об отношениях Церкви и государства//Московский церковный вестник. 1990. № 9 (27), С. 8).

¹² О Дне Победы как праздничной новации в этнической культуре русских подробнее см.: Тульцева Л. А. Современные формы ритуальной культуры//Русские: Этносоциологические очерки. М., 1992. С. 315—317.

¹³ Научный архив ИЭА РАН. Фонд Комплексной экспедиции. Рязанский отряд. 1963. Ед. хр. 68. № 210. Собиратель Г. С. Маслова.

В 1973 г. Василий Шукшин писал: «Я мечтаю поставить фильм (не знаю, каким он будет, игровым или документальным) об одном дне в моем родном селе. Этот день — 9 Мая. У меня на родине в этот день своим, самостоятельным способом поминаются те, кто погиб на войне. Человек из сельсовета встает на стул или табуретку и читает фамилии. Это что-то около трехсот человек. И вот пока читаются эти фамилии, люди, которые знали погибших, родственники стоят и вспоминают. Кто-то тихо плачет, кто-то грустно молчит...» (Шукшин В. Нравственность есть Правда. М., 1979. С. 223).

¹⁴ Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М., 1974. С. 133.

A Widow's Lot

Folklore and traditional Russian ceremonies are another source for the study of the Great Patriotic War as it affected the lives of common people. Chestushka is a genre containing vivid testimony of the enormous sacrifices, of suffering and heroism of Russian women.

In an attempt to outline the inner world and morals of the Russian peasant women during the war, the author examines traditional elements both in their everyday life and in the prevalent forms of Orthodox cult.

L. A. Tultseva

© 1995 г., ЭО, № 3

М. А. Вылцан

ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В свое время в историографии Великой Отечественной войны усиленно муссировался миф о «десяти сталинских ударах», приписывающих все победы советского солдата «величайшему полководцу всех времен и народов» — генералиссимусу Сталину. Если и можно говорить о «сталинских ударах», то прежде всего о его ударах по своему народу: это и раскулачивание в годы коллективизации, и «большой террор 1937 г.», это и депортация народов в годы войны.

Длительное время (около 50 лет) документы о репрессировании народов, как одна из позорных страниц истории сталинского режима, хранились в секретных архивах органов государственной безопасности. Только с начала 80-х годов стали появляться отдельные документальные публикации¹ и статьи², посвященные этой теме.

При всей научной ценности имеющихся публикаций нельзя не заметить, что они касаются преимущественно депортации отдельных народов. Между тем назрела необходимость написания сводных, обобщающих работ, в которых бы проблема рассматривалась в целом. Данная статья представляет одну из таких попыток. Поскольку подавляющее большинство депортированных были сельскими жителями, постольку автор стремился, насколько позволяют документы, затро-